

Леонид Люкс

Трагизм реформаторов: по поводу убийства Бориса Немцова¹

Российская история полна роковых параллелей. Что мы можем узнать из истории о покушении на российского оппозиционного политика Бориса Немцова?

За два дня до демонстрации, которую планировали провести в Москве представители оппозиции, был убит ее организатор Борис Немцов, символическая фигура российского демократического движения. Это убийство в своих существенных чертах произошло по сценарию, созданному почти 150 лет назад одним из отцов революционного терроризма в царской России – Сергеем Нечаевым. Но тогда у социальных актеров были противоположные роли: сторонники реформ находились в правительстве, а их противники в оппозиции. В своем «Катехизисе революционера» (1869) Нечаев писал: «Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство, и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу».

В духе Нечаева действовала созданная в 1879 году подпольная революционная организация «Народная воля», главной целью которой было убийство царя Александра II, который начал осуществлять в России гигантской проект реформ и вошел в историю как «царь-освободитель». Но «Народная воля» была заинтересована не в реформах, а в полном уничтожении существующей системы, поэтому либеральный царь стал для нее основным объектом ненависти, а его убийство – самой важной целью. Следуя Нечаеву, «Народная воля» хотела таким образом отнять у государства его «самого энергичного и умного деятеля». Она устроила настоящую охоту на царя. Шесть покушений оказались неудачными, а седьмое – 1 марта 1881 года – принесло террористам желаемый успех. Убийство Александра II произошло в то время, когда он вместе со своим ближайшим сотрудником Михаилом Лорис-Меликовым составлял документ, содержавший перспективы и предпосылки для будущей российской конституции.

Спустя сорок лет похожее развитие событий произошло в молодой, сотрясаемой кризисами «первой немецкой демократии». Она теряла свои опоры одну за другой вследствие покушений, инициаторами которых были на сей раз люди не из лево-, а из праворадикального лагеря. Они тоже, подобно прилежным учени-

¹ Немецкий оригинал этой статьи был опубликован в интернетном журнале *The European* (5.3.2015) – печатается с некоторыми изменениями.

кам Нечаева в царской империи, хотели отнять у отвергаемого ими государства «его самых энергичных и самых умных деятелей». Особенно сильным потрясением стало для неокрепшей еще Веймарской республики убийство ее министра иностранных дел Вальтера Ратенау в июне 1922 года. Томас Манн писал тогда в одном из своих писем: «Конец Ратенау был для меня тяжелым шоком. Какой мрак в головах (его убийц)». А в своей речи, посвященной памяти убитого политика, он говорил о невосполнимой потере, которая была нанесена Германии.

«Вторая» русская демократия, созданная в августе 1991 года после поражения коммунистического путча, обнаруживала немалое сходство с Веймарской республикой. Она тоже постоянно испытывала угрозу реванша со стороны элит, ранее лишенных власти. Несгибаемые борцы за новую государственность и тут тоже становились жертвами покушений с политическими мотивами. К самым известным из них относится петербургский депутат Госдумы Галина Старовойтова, неутомимо боровшаяся за установление в стране правового государства. За это 20 ноября 1998 года ей пришлось поплатиться жизнью.

Непростительной ошибкой российских демократов Старовойтова считала то, что они в недостаточной степени использовали свою победу в августе 1991 года. Именно тогда, по ее мнению, существовала уникальная возможность сменить или радикально обновить старый аппарат власти, пока он еще находился в шоке. Но этого не произошло, и старые структуры получили передышку для новой консолидации. Если бы в августе 1991 года победили коммунисты, они бы не проявили такого великодушия в отношении своих демократических оппонентов, считала Старовойтова.

Установленная Владимиром Путиным в 2000 году «управляемая демократия» воплощает собой реванш лишенных в августе 1991 года власти элит, которого боялась Старовойтова. Демократы, довольно быстро растерявшие свой капитал доверия, полученный в августе 1991 года, все больше вытеснялись на периферию политических событий и не представляли, казалось бы, никакой опасности для властного истеблишмента. Но, невзирая на это, их активность до сих пор вызывает у властей панический страх. Описывая опасности, угрожающие стране, они уделяют небольшим демократическим группировкам не меньше внимания, чем столь опасному по их мнению НАТО. Это находит свое отражение и в принятой недавно российской военной доктрине. В параграфе 13 в ней говорится о внутривнутриполитических опасностях, якобы создающих угрозу для обороноспособности страны. Сюда относится и «деятельность по информационному воздействию на население. В первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества». Итак, любое сомнение в картине исторического прошлого, спущенной сверху, рассматривается авторами военной доктрины как посягательство на обороноспособность страны.

В своей речи по поводу включения Крыма в состав Российской Федерации российский президент ясно дал понять, что он находится под сильным впечатле-

нием от «патриотического настроения» своих соотечественников, безоговорочно поддерживавших правительственный курс. А западным политикам, желающим подтолкнуть Москву к изменению политического курса санкциями и перспективой обострения внутривнутриполитических проблем в стране, Путин бросил в лицо слова: «Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некой пятой колонны – разного рода "национал-предателей" – или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей?».

С тех пор в государственных российских СМИ все шире используются понятия «пятая колонна» и «национал-предатели». Они непрерывно звучат в адрес небольшой группы критиков режима, предостерегающих кремлевское руководство от роковых последствий политики в отношении Украины. Борис Немцов, самое, пожалуй, известное лицо в оппозиции, подвергался наиболее злобным нападениям со стороны верных режиму пропагандистов. Пока еще нельзя сказать, кто убил Бориса Немцова, единодушно подчеркивают правозащитная организация «Мемориал», известный правозащитник Сергей Ковалев и многолетний сподвижник Немцова Гарри Каспаров. Но все предпосылки для этого убийства были порождены той атмосферой ненависти, которую создавали кремлевское руководство и официальные СМИ.

У Немцова была полная ясность относительно риска, которому он себя подвергает своей резкой критикой политического курса правительства. Критически настроенной к кремлевскому руководству *Новой газете* он дал в апреле 2014 года интервью, которое можно рассматривать как политическое завещание лидера оппозиции. В нем есть такие слова: «Надо понимать, что (...) заставить меня замолчать (они) не смогут, просто не смогут. (...) Но то, что они способны на все и я обязан это учитывать – это точно». В этом интервью Немцов говорил не только о своем политическом будущем, но и о будущем своего самого главного политического противника: «Тактически Путин выиграл: (...) его рейтинг вырос до небес, всеобщая истерика, эйфория даже. А стратегически он проиграл все».

Последствия этой стратегической ошибки будут самыми тяжелыми, – продолжил Немцов свои доводы. Для России это повлечет за собой потерю рынков в Европе и в Америке, экономические потрясения, безработицу и нарастающую технологическую отсталость. Надежду Кремля на то, что Китай скомпенсирует утрату западных рынков, Немцов считал полнейшей иллюзией. Своим монопольным положением Китай воспользуется для того, чтобы максимально снизить цены на российские энергопоставки. Помимо этого, сильная зависимость от Китая представляет большую опасность для территориальной целостности России. Общеизвестны масштабные территориальные притязания Пекина на Сибирь и российский Дальний Восток.

Немцов был убежден, что Путин знает обо всех этих опасностях. Но тогда почему же он решился на столь рискованную для России политику? Немцов дает однозначный ответ на этот вопрос. Для Путина речь никоим образом не идет о

защите интересов русских в Крыму. Все заявления президента по этому поводу – это чистое фарисейство. Путина интересует, в сущности, только одно – «укрепит (ли это его) власть... или нет?». Такой итог подводит самый известный критик российского президента. Немцов понимал, что в стране его позиция не популярна: «(Но) надо занимать не популярную позицию, а честную, надо говорить правду, даже если она многим не нравится».

Здесь ведущий оппозиционер затрагивает одну из самых важных проблем в своей стране. Как и в советское время, поиск истины в современной России представляет собой не абстрактную философскую проблему, а центральный вопрос существования российского общества, от которого в решающей мере зависит и его будущее. Девиз «Жить не по лжи», провозглашенный в 1974 году Александром Солженицыным, вновь актуален в стране ввиду повсеместных пропагандистских кампаний в подвластных государству СМИ. Острота этой проблематики была сформулирована российским политологом Владимиром Пастуховым вскоре после убийства Немцова в упоминавшейся выше *Новой газете*: «Кого бы власть сегодня не назвала убийцей, (...) ей уже никто не поверит. Даже если она вдруг скажет правду. Режим так изолгался, так себя скомпрометировал за последние десять лет, что слово его перестало что-либо значить. В обществе, где информация полностью заменена пропагандой, нет больше различия между правдой и ложью».

Авторизованный перевод с немецкого Ларисы Лисюткиной